

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Выпуск II

НЕТРАДИЦИОННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТОМСК 1997

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОБРАЗ НАУКИ (КЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА В СВЕТЕ РЕЛИГИИ)

С. С. Аванесов

Вопросы, связанные с соотношением науки и религии, с определением их статуса и роли в индивидуальной и общественной жизни, давно оказались в сфере внимания философии. Кризис непонимания в отношениях между религией и наукой, лишь время от времени проявляющийся в громких скандалах (вроде суда над Галилеем, «обезьяньих процессов» или радикального отделения школы от Церкви), тем не менее всегда тлеет под спудом и готов разразиться с разрушительной для культуры силой. Поиск оснований для окончательного решения этой проблемы осложняется тем, что существуют два взаимоисключающих варианта объяснения соотношения науки и религии: это соотношение может быть представлено либо как со-действие, либо как противодействие их друг другу (нет нужды рассматривать третью точку зрения, утверждающую, что они вовсе никак не соотносятся). Научная точка зрения на религию, представляющая последнюю в качестве искажённой, ложной, фантастической формы мировоззрения, отдаёт безусловное предпочтение второму варианту; а поскольку своё собственное мирозерцание наука представляет как истинное и непреложное, то судьба религии решается сама собой: религия должна умереть. Однако тем самым наука не разрешает указанную проблему, а просто отбрасывает её, ибо требует уничтожить одну из сторон проблемной ситуации, а именно религию. Напротив, с религиозной точки зрения наука имеет право на существование, и требует разрешения лишь вопрос о конкретном статусе науки в общей системе мировоззрения и жизни. Итак, на почве науки примирение и содействие науки и религии представляются практически невозможными; поэтому особо актуальными видятся перспективы такого примирения и содействия на почве религии.

С позиции религии наука представляется как автономная система, ориентированная на получение объективного знания (что, в принципе, не противоречит самоопределению науки) и характеризующаяся абстрактностью, частичностью, утилитаризмом, технологичностью и методологичностью. В свете религиозного мировоззрения указанные характеристики научного познания несут негативную ценностную нагрузку, ибо подтверждают разрыв между наукой и жизнью в её духовном измерении. Рассмотрим подробнее указанные характеристики науки.

1. АВТОНОМНОСТЬ. В свете религиозного сознания, обогащенного Откровением, автономная наука видится как вызов теономности религиозного гнозиса, как противопоставление коренной познавательной установке бо-

гооткровенной религии: «Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой»(Притч 3:5; ср. 1 Кор. 2:4-5). Соблазн самодостаточности и самозакония, таким образом, осуществляется через принятие человеком научного отношения к миру и жизни как способа «вытеснения» религиозного (духовного) измерения человека и замены его на статус самоуверенного и всемогущего центра бытия.

2. АБСТРАКТНОСТЬ. Перенос центра тяжести на опыт и интеллектуальные способности человека, поскольку именно этого требует автономная наука, вызывает, во-первых, известную отвлечённость результатов научного исследования от запросов реальной жизни духа. Теоретическое знание имеет тенденцию к превращению в знание ради знания, в интеллектуальное упражнение, в «игру в бисер», в увлечение души или оттачивание интеллекта. Все это не имеет прямого отношения к духовной жизни и даже наиболее удобно уводит в сторону от неё. Преодоление такой абстрактности научного знания возможно только в перспективе знания духовного, которое и может сообщить человекам истинную жизнь: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»(Ин 17:3).

3. ЧАСТИЧНОСТЬ. Во-вторых, автономная наука, не обращаясь к сердцу человека, не задевая его нравственных способностей и не требуя его духовного возрастания, воспитывает и развивает только один из многочисленных даров Божиих человеку, один лишь его разум, да и то в отрыве от прочих измерений личности. Это провоцирует значительное личностное обеднение, духовное вырождение и в качестве плода производит так называемого «частичного человека», некое функциональное приложение к подавляющему механизму науки и цивилизации. Указанная частичность уничтожает гармоническое единство человека и идёт вразрез с Божиим планом полноты человеческого бытия.

4. УТИЛИТАРИЗМ. С указанной выше абстрактностью науки вполне сочетается её господствующая установка на принесение немедленной и видимой пользы. Наука, поставленная на службу потребностям человеческого тела и имеющая целью практическое удобство посюсторонней жизни, являет собой всё то же искаженное понятие о содержании этой жизни, понятие, лишённое представления о высшей жизни духа, о причастности духа сверхфактическому, вечному бытию. Утилитаризм науки выражает собой соблазн земного удобства и забвение душой своего происхождения и своей вечной перспективы.

5. ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ. Принцип, лежащий в основании утилитарного научного знания, заключается в ответе на вопрос «как?», но не на вопрос «во имя чего?». Поэтому наука, достигшая максимума функциональности и утилитарности, есть технология в чистом виде, иными словами, чи-

стая технологическая информация. Но эта установка на знание того, как наиболее эффективно удовлетворить человеческую потребность, не вникая в нравственный смысл этой потребности, есть коренная установка магии, будь она чёрной или белой. Знание законов мировой жизни и использование их в своих целях с минимальным душевным риском и максимально точными физическими действиями - это именно магический идеал, к реализации которого и стремится высокотехнологичная наука нашего времени.

6. МЕТОДОЛОГИЧНОСТЬ. Поскольку наука вынуждена исходить из того, что истина человечеству не дана, постольку она заставляет человека самостоятельно конструировать эту истину. Но результат такого конструирования имеет отношение только к наличным способностям человека, всегда несовершенным и ограниченным, а потому научная «истина» неизбежно выражает собой те методологические предпосылки, которые человек полагает в основание своего познания. Иначе говоря, «открытые» наукой «объективные законы» суть проекция субъективных человеческих способностей, проекция, обозначающая собой тот или иной уровень методологического оснащения учёного. Такая «наука» должна рассматриваться как способ ослепления человека.

Это ослепление может быть понято как плохо осознаваемое желание (экзистенциальное устремление воли), присущее сознанию, вырванному из состояния онтологической коммуникации с Источником бытия. Иными словами, основная интуиция научного способа отношения к реальности объяснима из психологии безбожия. Стремление к чистой «объективности» и чистой «научности» знания можно понять как своего рода «комплекс», порожденный состоянием внерелигиозности, отпадением от абсолютной Гарантии бытия. «Объективное» знание есть свидетельство желания обнаружить (а точнее - создать) внешние гарантии и опоры отдельного (автономного) существования человека. Но такая попытка всегда обречена на провал. Ведь то, что человек хочет иметь в качестве объективных (то есть вполне «внешних», от него самого не зависящих) законов, есть только проекция его собственных усилий. Человек не обнаруживает вне себя некие безусловные «законы», но сам создаёт их, так как всякий «открытый» им «закон» есть только теоретическая модель, построенная несовершенным разумом на основе посильного обобщения частного и всегда неполного опыта. Верификация результатов познавательного процесса зависит от условий эксперимента (в том числе мысленного, воображаемого) и от метода анализа его результатов, а потому она никогда не может быть ни «независимой», ни полной, исчерпывающей; следовательно, верификация знания, провозглашаемая наукой, есть, по большому счету, самообман. «Объективное научное знание», таким образом, есть попытка бессильного человеческого разума выстроиться из своего бессиль-

лия некое абсолютное пугало и, переложив с себя ответственность за собственную судьбу на этот фантом (т.е. на «законы», «объективную необходимость» и т.п.), остаться столь же бессильным, как прежде, но зато субъективно не виновным ни в чём. В таком самооправдании разума и заключается суть названного «комплекса».

Каково же отношение религии (прежде всего христианства) к автономной науке? Церковь не налагает запрета на научное творчество, рассматривая его как один из способов раскрытия данных человеку даров Божиих. Однако христианская религия не может соглашаться с явной антирелигиозностью автономной науки, влекущей все те духовные последствия, которые были названы выше. Целью христианства является спасение целого человека, и в свете этой цели наука может занять подобающее ей положение, избавившись от своих противоестественных недостатков, проникнувшись религиозным (духовным) измерением и вернувшись к теомности. Тогда и наука сможет стать одним из путей к конечное обретению утраченной в Эдеме гармонии бытия.